

Председательствует член Военного совета — начальник Политического управления Краснознаменного Туркестанского военного округа генерал-майор Н. О. ЩУКИН

ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО КЛУБА «ПОДВИГ» ПОСВЯЩАЕТСЯ БИТВЕ ЗА МОСКВУ, СРАЖЕНИЮ, РАЗВЕЯВШЕМУ ЛЕГЕНДУ О НЕПОБЕДИМОСТИ ФАШИСТСКОЙ АРМИИ.

БИТВА ЗА МОСКВУ

В ИСТОРИИ Великой Отечественной войны битва за Москву занимает особое место. У ее древних стен фашистская армия, не знавшая дотоле поражений, захватившая почти всю Европу, получила первый сокрушительный удар. Был развеян миф о ее непобедимости, потерпела крах гитлеровская стратегия «молниеносной войны».

Москва дорога не только сердцу каждого советского человека. Столица первого в мире государства рабочих и крестьян стала притягательным центром для миллионов людей во всем мире. И они с надеждой следили за беспримерной битвой за Москву. С надеждой, что союзный народ не допустит захвата фашистами своего главного города.

Панфиловцы

Г. КУРГАНОВ,
бывший командир артиллерийского полка прославленной гвардейской Панфиловской дивизии, полковник в отставке.

— Я расскажу лишь о немальных эпизодах тех грозных лет.

Принес грузиться в зицо. От родного Туркестана до Москвы — ни одной задержки: сплошная «зеленая линия». Выгрузка. Адъютант Панфилова вручил схему движения нашего полка и передал, что комендант ждет. Когда последнее подразделение покинуло станцию, я отправился к генералу.

— Полк не бомбили? — был его первый вопрос.

— Еда дивизии отошли, немцы начали бомбить станцию. Но там не было ни одного нашего человека. Пустые составы тоже ушли, — доложил я Панфилову.

— Вот и хорошо. Наша задача сложная, но предельно ясная: обороны Волоколамск и не допустить фашистов в Москву. Участок нашей обороны примерно в тридцати километрах западнее Волоколамска. Наша штандартная армия только создается. Командует ею генерал-лейтенант Рокоссовский...

В те холодные октябрьские дни мы спешно готовили оборонительный рубеж западнее Волоколамска.

Враг приближался. Разведка донесла о движении неприятельской колонны, в которой было много танков и артиллерии. Генерал Панфилов принял в выводе, что основная бронированная масса нанесет удар вдоль Волоколамского шоссе в районе союза «Большевко» и приказал перебросить один наш дивизион в расположение 1075-го стрелкового полка. Дивизион еще находился в пути, когда южнее, у Осташово, появилась вражеская танки. Они были отбиты батальоном капитана Лысенко, который применил противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью.

Несмотря на серьезные потери, фашисты вели себя нагло: они, почти не маскируясь, входили в бой танки, мотоциклы, пехоту. Но вот открылся огонь батарея Г. Бабаева. Запыхались танки. Враг вынужден был попасть в укрытия. Заговорили пушки и других наших батарей. Снаряды ложились точно в цель у деревни Ха-

танска, где скопилось много бронированных машин и мотопехоты. Однако фашисты не намеревались отступать. Переупрощившиеся они вновь двинулись на союз «Большевко». Тут же отличилась вторая батарея. Как только вражеские танки приблизились к мосту, на них обрушились снаряды. Головная машина словно споткнувшись, остановилась. Идуща за ней следом свернула, но наехала на свою разобранного моста и перевернулась. Третья машина прошла дальше. Четвертая машина вернулась влево и напоролась на противотанковую мину. Артиллеристы, окрыленные успехом, усилили огонь. Немцы несли большие потери. Их атака захлебнулась.

Вспоминается такой эпизод. Седьмого декабря 1941 года наша дивизия перешла в наступление. Утром воздух сотрясался от пулеметных залпов орудий. Пушками молниеносно пронзали небо снаряды «катюш». Огонь был такой, что тучи над полем боя приобрели светло-розовую окраску, как отсвет далекого огромного зарева. Над дивизией, готовой к броску, нарастал гул. Волнами шли наши бомбардировщики. Над вражескими позициями встали столбы пламени. Наша артиллерия перенесла огонь на фланговые тылы. Стрелятельно попали вперед нацистов. А потом «урал» возвестил о начале нашего контраступления. Помню, как в ходе боя радовался комендант В. Ревякин, смеющийся на этом посту погибшего Г. Панфилова:

— Молодцы! Здорово вы их глушили!

— Это им за все, — ответил я, — за Москву, за коменданта Панфилова. Будем продолжать в том же духе, ведь с нами члены!

Дело в том, что в октябре сорок первого артиллерийский дивизион под командованием Александра Васильевича Чапаева, сына легендарного полководца, в районе Панфиловской дивизии с боями вышел из окружения и вился в наш артиллерийский парк. Помним, что у нас тогда прошли: «Панфилов был членом партии, Чапаев стал панфиловцем».

Началось генеральное наступление. Долгожданное, тяжелое, но радостное. Враг цеплялся за каждую пядь подмосковной земли. Но не выдержали сокрушительных ударов Советской Армии, стал откатываться. Ворота в столицу для фашистов закрылись!

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

Чувствуется, что только одной мыслью — убивать врага — и жили солдаты Панфиловской дивизии. Еще в сердце каждого из них стояли слова из Завещания двадцати воякам: «...Стисните зубы, будьте стойкими! Мы знали, во имя чего идем на смерть, и выполнили свой долг. Мы преградили путь врагу. Идите на бой с фамилиями и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас.

Мы погибли, но мы победили».

Рассматриваю музейные фотографии. Бегство «непобедимой» армии, брошенная в подмосковном селе французская техника... А вот и те, кто отбросил врага от столицы, кто продолжал бить его и в последующие годы.

25-ю годовщину Октября в сердце каждого из них встретили подведение итогов боевого соревнования.

Старший сержант Муратов уничтожил 89 гитлеровцев, младший сержант Грибков — 90, рядовой Абдыбеков — 65. «Надо помнить, что совершили ты не истребил ни единого немца», — так писала в те дни их дивизионная газета.

Мы погибли, но мы победили».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там немуко», «А кто из «Гвардейских погодук»: «У гвардейца с утра три заботы: помыться, побриться, убить фрица».

И я знаю, что по первому зову явится Валдис в боекоманде и будет бить врага так, как в свое время его отец был фашистов под Москвой.

Они мне вспомнились недавно, оба воина-литовца, и свою службу тоже. Я пришел в Музей истории войск Краснознаменного Туркестанского военного округа. Там же земли Подмосковья лежала здесь, и даже засохшие иголки елей проглядывались в ней. Кто-то из воинов-туркестанцев привез ее в Ташкент, чтобы вечно напоминать она потокам о днях германской битвы.

Газеты тех лет... Передышка пожелтевшие страницы панфиловской дивизии «За Родину». Какой ненастностью к врагу дышит каждая ее строка! «Убивать газов днем и ночью», «Где снайпер-боц, там

